

18+

А. ВИТАКОВ

КНИЖКА

ПЕСЕН

Алексей Витаков

**Книга песен. Серия
«Библиотечка #здд»**

«Издательские решения»

Витаков А. И.

Книга песен. Серия «Библиотечка #здд» / А. И. Витаков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966594-2

Первый электронный сборник стихотворений великого русского поэта Алексей Витакова. В книге собраны стихотворения разных лет, тексты песен, в том числе, сирийский цикл. «Книга песен» Алексея Витакова открывает серию книг «Библиотечка #здд» толстого литературного электрожурнала «Запрещено для детей».

ISBN 978-5-44-966594-2

© Витаков А. И.
© Издательские решения

Содержание

Стихи	6
«Я родился под северным солнцем...»	6
«Ржавчина битых коленок...»	7
«Всё было же, брат! Плыл за окнами век...»	8
«В город наш...»	9
«Спи, отец. Легка седая глина...»	10
«Семьдесят с лихом эстонцу. Словам...»	11
«Кати, каталочка, кати по холоду...»	12
«Я знаю – город будет...»	13
«Возьми губами воздух одинокий...»	14
«Я строил фрегат из прибрежного праха...»	15
«Античной колонною – ливень в окне...»	16
«Над Смирной стойкий дух покоя...»	17
«Открой окно в начальные миры...»	18
«На курган занесло серым ветром меня...»	19
«Колея, обочина – всё одно...»	20
«Пой хор православный, божественный хор...»	21
«Ломает сухорукая тоска...»	22
«Дом безлюдный весной в половодье...»	23
«Как на Доне, на Дону...»	24
«Ты меня называла «мальчаткой...»	25
«Стариками горбатилось лето...»	26
«А помню, деревня была без названья...»	27
«... Толкнул окно и думал упаду...»	28
«Пахнет папа асфальтовым летом...»	29
«Мне бы снова туда, где в печи...»	30
«Город Рыбинск – пчелиные соты...»	31
«Между явью и сном...»	32
«Горе пахнет корвалолом...»	33
«Ты принёс мне звук пули в ладони...»	34
«Словно мягкого темени пульс...»	35
«Давно ли было: керосинка...»	36
«Гремел состав. В вагоне, в полумгле...»	37
«Спит бродяга, ткнувшись в рукав лицом...»	38
«Под окно прилетали грачи и играли на скрипках...»	39
«Пролетала родина струйкою дыма...»	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Книга песен

Серия «Библиотечка #здд»

Алексей Иольевич Витаков

Дизайнер обложки Макар Викторович Бушмин

Редактор Виктор Дробек

© Алексей Иольевич Витаков, 2025

© Макар Викторович Бушмин, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-4496-6594-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стихи

«Я родился под северным солнцем...»

Я родился под северным солнцем
В шестьдесят позабытом году.
Положили меня на оконце —
Отводить от деревни беду.

Я лежал на отцовой портянке,
Не на улице и не в дому.
Пахли ветхие шторы землянкой,
Я не скоро узнал почему.

Помню, трещины были на раме.
Я разглядывал в трещинах тьму.
Как же пахло в избе сухарями!
Я не скоро узнал почему.

Я лежал и распухшие десны
Тёр костяшками пальцев, как мог.
Видно, впрямь был мой вид очень грозным,
Коль беда обходила порог.

Облака шли в сиреновой сини
От Бояновых дней на восток.
На портянке я плыл вместе с ними,
И беда обходила порог.

Пахли ветхие шторы землянкой,
Нависал чернотой потолок.
А я плыл на отцовой портянке
От Бояновых дней на восток —

Над усталой землёй и морями.
И бежала, бежала беда...
Как же пахло в избе сухарями,
Так пронзительно, так навсегда.

«Ржавчина битых коленок...»

Ржавчина битых коленок
Глинопись острых локтей.
Мой ППШ из полена
Сделан без лишних затей.
Было ли это? Наверно.
Помню, в соседском дворе
Сделал отец из полена
Сыну кулацкий обрез.

Били друг друга мы с жаром.
Знать бы, что в тридцать втором
Был его дед комиссаром,
Мой, если б знать, – кулаком.

Бились отчаянно, стойко.
Батя его, наконец,
Стал бригадиром на стройке.
Сгинул в петле мой отец.

Бились по-чёрному, лихо.
Мать его силилась стать
Передовой поварихой.
Стала вдовой моя мать.

Годы неслись, будто пена.
Слезы кипели от драк.
Я с ППШ из полена,
С тем же обрезом мой враг.

Жизнь развела незаметно,
Каждому дав по углу:
Я стал дорогой и ветром,
Враг мой подсел на иглу.

Слышал, что резал он вены,
После и вовсе исчез.
Мой ППШ из полена,
Где ты? И где тот обрез?

Быль улетучилась паром.
Знать бы, что в тридцать втором
Был его дед комиссаром,
Мой, если б знать, – кулаком.

«Всё было же, брат! Плыл за окнами век...»

Всё было же, брат! Плыл за окнами век
Кружилась знакомая стая.
И вдруг – ничего. Пустота. Только снег,
Тобой отражённый, сияет.

Теперь ты лежишь и глядишь на восток —
Добыча земли и распада.
Декабрьские вьюги качают венок:
На вечную память от брата.

Чего не хватило? Где спрятан ответ?
Не должен вначале быть младший!
До рези в глазах то ли снег, то ли свет,
Тебя до краёв наполнявший.

И хочется молвить, но речь отнялась:
Обрывки, невнятица, звуки.
Чернеет дороною мёрзлая грязь —
Бездушный свидетель разлуки.

День катится в ночь. В наступающей мгле
Путь с кладбища. Хватит ли силы?
Чем дальше по шаткой, сиротской зиме
Уходишь, тем ближе могила.

Качается в инее провода нить.
Луны неподвижное веко.
И нужно теперь только ночь пережить,
Чтоб утром заплакать от снега.

«В город наш...»

В город наш
не ворваться мне больше бегом,
Задохнувшись,
дрожа в нетерпенье.
И мы больше не будем на кухне тайком
Пить дешёвый портвейн под варенье.

И гитарным аккордом подъезд не качнём,
Не вспугнём стаю чёрную с крыши.
Ты ушёл
как-то так, словно был ни при чем...
Словно за
сигаретами вышел.

Всё...
Ты зимним морозцем плывёшь не спеша.
Что осталось?
Лишь воздухом этим дышать.

«Спи, отец. Легка седая глина...»

Спи, отец. Легка седая глина.
Помню, как ты между прочих дел,
Всей своею сутью ястребиной
Жизни научить меня хотел.

С той наукой спорить было глупо.
Виноват – на Бога не пеняй.
И взлетал ремень. Сжимались зубы.
Ничего. Терпи. Запоминай.

Руки настезь – хрустнули суставы.
Настезь всё – глаза, улыбка, грудь,
Синяя наколка с лесосплава.
Нет, сынок, о ней пока забудь!

Поворотом лба в иное время,
Но о нём ни слова, лишь намёк.
На руки взял мать, в одно мгновенье
Небо повернул в глазах её.

Ты любил беседовать без смеха.
Я любил, глаза полуприкрыв,
На плечах твоих куда-то ехать,
Белый свет за волосы схватив.

«Семьдесят с лихом эстонцу. Словам...»

Семьдесят с лихом эстонцу. Словам
Придавал он большое значенье.
– Здравствуйте, Роберт Иванович!
– И вам. Лёша, как вы там? Как баба Ксения?

Семь у эстонца козлук и венок,
Подпоясок, дырявая лейка,
Борода, крошки сыра, кирзовый сапог.
– Вы в какой класс изволите сей год?

– В пятый, – ему отвечаю.
– Ну-ну. Заходите на сыр. Угощаю.
Он о сыре любил. Никогда – о войне.
– На войне, Лёша, люди дичают.

К чему это он? Вязнет сыр на зубах.
В нос бормочет. Я не понимаю.
– Вот ведь, экая конская рускость в глазах.
Жаль. Такие быстрее сгорают.

– Ну, Роберт Иванович, спасибо...
– Иди. Может сыра в дырявые руки?
Улыбнулся. Я в сени. Зелёный мундир.
И медаль «За Великие Луки».

«Кати, каталочка, кати по холоду...»

Кати, каталочка, кати по холоду,
Кати, родимая, а то свихнусь.
Подайте, граждане, на сон про молодость
Афганцу бывшему... Я помолюсь.

Пускай приснится та, с упругой выгачкой,
И полумраморный лица овал.
Подайте, граждане, на четвертиночку,
И мне, безногому, приснится бал.

На том балу я вальс начну накручивать
И ту, что с выгачкой, разговорю.
Подайте, граждане, почти ползучему.
И гадом буду я, коль не спую.

Кати, каталочка, по Полежаевской.
Давай, каталочка, покажем класс.
Подайте, граждане, прошу-пожалуйста,
На сон, в котором я танцую вальс.

Летят каталочки, летят по Родине.
Толкай земную крепь, рука бойца.
Подайте, граждане, своим юродивым.
Простите, что летим без бубенца.

Гитара звякает, как ждёт прощения.
Толпа зашоренных не сводит глаз.
Толпа не сводит глаз от представления:
Кружит каталочка – выводит вальс.

«Я знаю – город будет...»

Я знаю – город будет,
Я знаю – саду цвествь,
Когда такие люди
В стране советской есть.
Но цвёл не сад, а гнил пустырь.

И город лил помой,
Где рос заводик ввысь и вширь
По выпуску обоев.
И мы безликой тенью шли
С работы, на работу.
Нас грели кровные рубли,
Укравшие свободу.

Мы от аза и до аза
Хлебнули соль общаги,
Где друг на друга за глаза
Царапали бумаги.
Нас презирала благодать...
И дворник, как полковник,
Орал: «Работай, лимита,
Держись за свой клоповник!»

И мы держались, как бойцы,
Не уступив позиций.
Нам говорила: «Молодцы!» —
Вальжная столица.
Мы поняли, как дважды два,
По самой горькой мере,
На чьих слезах стоит Москва,
И чьим слезам не верит.

«Возьми губами воздух одинокий...»

Возьми губами воздух одинокий,
Как виноград с ладони в феврале,
Как в одночасье выплывшие строки,
Как чьи-то губы в первый раз во мгле.

Как снег берёт пространство пядь за пядью,
Как лист берёт чернила с острия,
Как август вверх подбрасывает платье,
Как ночь вращает в тело пустыря.

Возьми своё не гордое наследство,
Как лилии притягивал прутом,
Как дудочку в полузабытом детстве
Ты брал ещё полубеззубым ртом.

«Я строил фрегат из прибрежного праха...»

Я строил фрегат из прибрежного праха.
Земля этот прах завещала в наследство.
Серьёзно и грустно смотрела собака
На детство моё, босоногое детство.
Фрегат воздвигался и глиняным носом
Грозил захолустью то с болью, то с жаром.
И я был, наверно, калечным матросом.
Бывалым матросом с огрызком сигары.

«Прощай!» – мне хотелось сказать с нетерпением,
Не зная кому и чему, но быстрее.
Катилась собачья слеза умиления.
А в ней чёрный флаг на зазубренной рее.
Чего только, Господи, не отражалось
В собачьей слезе, но всего не увидеть.
И жалась к фрегату собака, и жалась...
И жалость скрывала – боялась обидеть.

А я иступлённо всё строил и строил.
Блестела слезою щека у собаки.
Я кликнул собаку, и нас стало двое.
Потом бросил якорь и тоже заплакал.
Я строил фрегат из прибрежного праха.
Назло захолустью с тоской по соседству.
И только собака, и только собака
Со мной поделила под парусом детство.

«Античной колонною – ливень в окне...»

Античной колонною – ливень в окне.
И книга раскрыта на нужной стране.
Ступай на страницы.
Там рёбрами вёсел изрыта волна,
Там блик на щитах золотого руна...
И пена – на лицах.

И песня на лицах и юность во всем.
Ступай, но прошу, не забудь об одном —
Махни мне из мига,
Когда меж Харибдой и Сциллой пойдёшь.
Я тоже там был. Ничего не вернёшь.
Всему своя книга.

Ступай. Пусть в лучах бесконечной зари
Улыбка до кончиков пальцев горит,
А сердце не дрогнет.
Ступай. Пусть твердят, мол, за шерстью овцы.
Да что они знают, скупцы и глупцы,
О звёздах в ладони!

Смелее – пустует скамейка гребца.
На ручке весла виден след от кольца.
Молчу. Всё проходит.
Вослед тебе пыль тяжела, как вина,
Взметнётся над берегом и выступит на
Моём переплёте.

«Над Смирной стойкий дух покоя...»

Над Смирной стойкий дух покоя.
Застыла дымки пелена.
И у гекзаметра прибоя
Стопа скалой усечена.

Как уголь тлеет песня где-то.
Потухла, выдохлась луна.
Овчина облака надета
На длинный посох чабана.

Не дрогнет пепел древней веры.
Веслом не шелохнёт Харон.
Песочный черновик Гомера
Давно ветрами разметён.

Ил наступает. Вот уж море
Отходит от былых портов.
Последним эллинским укором
Белеют кости городов.

«Открой окно в начальные миры...»

Открой окно в начальные миры.
Пусть крикнет громко, длинно и печально —
Из сна сизифовой глухой горы,
Нет, не случайно, выпавшая чайка.

Открой окно на колокольный звон.
Потянет рыбным духом от залива.
И утреннюю дымку шелест волн
Наполнит метрикой квантитативной.

Коринф, Коринф, я слышал о тебе,
Когда вмещался целый мир в учебник.
Дожди в окне напоминали стебли
Античных трав и путались в судьбе.

Порывы ветра как младенца сон.
Колени скал ударятся, но голубь
Успеет, вдохновленный Аполлоном.
И высь сольётся с морем в горизонт.

Прости, Эллада, трепет не сберёг.
Твой запах был со мной в далёком детстве.
Всё кончено. Лишь пыль былых дорог.
Блуждает речь, лишённая наследства.

«На курган занесло серым ветром меня...»

На курган занесло серым ветром меня.
Засверкала широкая Волга.
И сквозь толщи земли был мне голос коня.
И сказал он: «Я ждал тебя долго!

Помнишь, как пировал ты с дружиной в траве,
Как тогда ты напился кромешно?
Лучше нечего было желать татарве».
Я ответил: «Не помню, конечно».

«Вспомни, как побурела под берегом вода.
Но тебе было этого мало!
А ещё вспомни жуткие блики, когда
Нас навеки с тобою не стало.

Как тогда я в закатную рябь уходил,
Отсекая земную погоню,
И тебя выносил с чёрной раной в груди!»
Я ответил: «Ты знаешь, не помню!»

«А потом в тишине у степного огня
Пела женщина, глядя на Волгу.
Неужели, мой друг, ты не вспомнишь коня?
Я ведь ждал, ты поверь, очень долго.

А когда хоронили нас, помнишь, она
Бледный лоб твой накрыла ладонью.
Как была моя ревность, ты помнишь, черна!»
Я ответил: «Ну хватит, не помню!»

Конь умолк, было слышно дыханье его.
Мне мерещился шум древней сечи.
«Я не помню, мой друг, ты прости, ничего!»
И поникли кургановы плечи.

Где-то близко совсем у степного огня
Пела женщина самозабвенно.
И был сон боевому коню про меня
И про женщину тоже. Наверно.

«Колея, обочина – всё одно...»

Колея, обочина – всё одно.
Каждой печке-лавочке – свой сверчок.
У меня два облака за спиной.
А тебе что кажется, дурачок?

Потяни, дороженька, за рукав.
Покажи-ка волюшку наяву.
Пальцами корявыми сто рубах
Я на песне гусельной разорву.

А рвану сто первую – брызнет кровь.
Вот тогда и радуйся, пой, душа!..
Говори, родимая, за любовь.
Да гляди на небушко не дыша.

Я пойду по улицам в калачах —
Пустоту девичьих глаз воровать.
У меня два ворона на плечах,
А тебе всё ангелов подавай!

Ивою над гусями наклонюсь.
Пусть запястья тощие вспомнят свет.
Вороны тяжёлые, ну и пусть.
Но зато два облака в синеве.

Призовёт ли на небо скоро Бог
Иль отправит заживо в ад гореть.
В тёмных избах в стороне от дорог
Скоморохи страсть мою будут петь.

Будут петь-рассказывать день и ночь
Да беречь от зависти и молвы,
У ветров займы беря только мощь,
Тишину заветную у травы.

Где у бездны край, скажи, а где дно?
Почему в душе свистит вдруг дыра?
У меня два облака за спиной.
А ещё два ворона. Так-то, брат.

«Пой хор православный, божественный хор...»

Пой хор православный, божественный хор,
Под папертный стон да под звонницы звон.
Мальчонка из века батыевых орд —
Челом толчее, за поклоном поклон.
Я под гору мимо – пасхальным яйцом —
С душой-погремухой, прожжённой до дыр.
Мальчоночья песня плывёт над крыльцом,
Больна, как земля, и несчастна, как мир.

Но вот он поднимет глаза на собор
И снова увидит под бледным крестом
Не купол, в котором сплетается хор,
А в сече помятый отцовский шелом.
Я под гору мимо – пасхальным яйцом —
С душой-погремухой, прожжённой до дыр.
И жжёт мне в затылок огромный шелом,
Больной, как земля, и несчастный, как мир.

А небо молчит. Под высоким крестом
Сиять куполам не одну сотню лет.
Но молния в небе не вспыхнет копьём,
Копьём Пересвета в зияющей мгле.
Я под гору мимо – пасхальным яйцом —
С душой-погремухой, прожжённой до дыр.
А мальчик поёт, разлучённый с отцом,
Больной, как земля, и несчастный, как мир.

«Ломает сухорукая тоска...»

Ломает сухорукая тоска.
С войны под сердцем поселилась пуля.
Плешь на ушанке. Бывший сын полка.
А ныне пьющий и немного жулик.

Заплывшие глаза, лица сморчок,
Под милостыню – выцветшая скатерть,
Протез фиктивный, орден, пиджачок,
Шершавая, длиною в старость, паперть.

Всё что осталось от безумных дней.
И я спросить решился неумело:
«А было ль счастье?»
«Было. На войне».
И кисть, в кулак сжимаясь, захрустела.

«Дом безлюдный весной в половодье...»

Дом безлюдный весной в половодье
Неуклюже подходит к воде.
И глядится в неё и находит,
Что не та уже крепость у стен.

А внутри его заспанный ветер.
И скрипит ветру дом: «Решено.
Вот сгорю – будет лёгким мой пепел.
Ты посыпь свою голову мной.

А потом размети что есть силы.
Никому ничего не оставь.
Как же всё-таки невыносима,
Жилы тянущая пустота!

Изнутри выжигает немота.
А снаружи – то солнце, то снег.
Нелегко умереть за кого-то.
Жить вдвойне за кого-то трудней.

Принеси искры, друг ты мой ветер,
И раздуй так, чтоб ахнул восток,
Чтоб в последний раз на белом свете
Обогреть я кого-нибудь смог.

Ну, а если никто не проводит,
Стон никто не услышит в огне,
Пусть хотя бы река в половодье
Потеплеет, прижавшись ко мне».

Дом затих. Глухо вскрикнула крыша.
Ей в ответ звякнул ржавый замок.
Ветер старого друга услышал.
Ветер старому другу помог.

«Как на Доне, на Дону...»

Как на Доне, на Дону
Кошка сцапала луну.
Стала в небушке дыра.
Из дыры Иван-дурак
Вылетает на коньке,
На Коньке на Горбунке.
И летит Иван-дурак
Через время, через мрак.

Он летит над былём, над болотиной,
Над соломенным чучелом Родины,
Защищающим мёртвый пустырь,
Как последний донской богатырь.

Он летит над дремучей околицей,
Над запойною русскою вольницей,
А в лицо – то исчадьё болот,
То кирпич с омертвелых широт.

Он летит над угрюмыми хатами,
Над сиротскими злыми заплатами,
Над старушьими бельмами глаз,
А бельмо – то Афган, то Кавказ.

Как на Доне, на реке,
Билась звёздочка в муке,
Но была то не звезда,
А старушечья слеза.
И летел Иван-дурак
Через время, через мрак,
Над высоким бережком,
Сквозь игольное ушко.

«Ты меня называла «мальчаткой...»

Ты меня называла «мальчаткой»
Бедная Антонина Иванна.
Это в городе кресла-качалки,
А в тайге время – хлеб. Дорожи...
Приходили соседские дети.
Пахло травами терпко и пряно.
Сколько помню: готовилась к смерти...
Потому-то так верила в жизнь.

Далеко отступали метели,
Замирали за окнами ели,
Если голос твой, свечкой согретый,
Не спеша над шитьём напевал.
Но, бывало, иголка ломалась.
И тогда ты, конечно, смеялась.
Говорила: «Злодей умер где-то.
Так ему неча тут баловать!»

Ни читать, ни писать не умела.
Но могла слышать речь старых сосен.
А порою рукой между делом
Проведёшь по холодной росе,
Да и скажешь: каким будет август!
Да и скажешь: какой будет осень!
Может быть, только капельку правды
Утаишь, ведь она не для всех.

«Стариками горбатилось лето...»

Стариками горбатилось лето
Меж войною и детством сирот.
Мама, как ты забудешь об этом!
Ты мне скажешь, мол, это не в счёт.

Будет вечер дрожать слабой свечкой,
И почудится снова тебе,
Будто бабушка села у печки,
Колыбельную песню запев.

Мама, пусть нам поведает небо
Про тот лютый, про сорок второй.
Стыла бабушка в давке за хлебом
С нерождённой, мама, тобой.

А спустя тридцать лет у колодца,
Дав мне хлеба, сказала: «Расти.
Чадю сыто – и Боже смеётся,
Чадю плачет – и Боже грустит».

Мама, мама, о чем мы полночи
Говорим, будоража сердца?
Свечка плавится, гаснуть не хочет,
Знать, она вспоминает отца.

С того света отец не вернётся.
«Что я сыну скажу?» – «Подрасти.
Чадю кушает – и Боже смеётся,
Чадю плачет – и Боже грустит».

«А помню, деревня была без названья...»

А помню, деревня была без названья,
Грибник семилетний по пояс в хвоще.
Из мудрого детского непониманья
Смотрел он: «Зачем им так много вещей?»

Старуха Агафья, а может быть Дарья...
Сказала, прищулив забельменный глаз:
– Он камешек Богом зовёт и в кармане
Таскает его. Вот такой он у нас!

Ушло за увалы комяцкое лето.
Туман уже прятал звезду в бороде.
Я понял тогда, одиночество – это
Болезненный мальчик в осенней воде.

Старуха... не то Акулина... иль Марья
Добавила: «Жалостлив. Как подрастёт
Деньгу не сшибёт, бабу вряд ли ударит.
Я чую таких завсегда наперёд».

Мы в ночь уходили. Прибрежные камни
Опутывал мрак. Растворялась во мгле
Деревня, как жест из времён стародавних.
Лишь камешек долго горел нам вослед.

«...Толкнул окно и думал упаду...»

...Толкнул окно и думал упаду,
Но нет ступил на воздух, как на льдину.
Под яблонями в призрачном саду
Стоял отец с потухшею лучиной.

«Отец, мы стали вровень по годам!
Как старше быть тебя? Не понимаю!»
Отец прервал: «Ты – старше. Ерунда!
Не говори того, чего не знаешь.

Не умер я, всего лишь стал незрим.
Все эти годы был всегда с тобою.
День каждый от зари и до зари
Твоей был плотью и твоей судьбою.

Играл ли ветер искрами огня,
Иль дым съедал глаза до злого света —
То я был ветром, дымом тоже я,
Чтоб ты учился красоте и бедам.

Когда стихи взрывали лоно тьмы,
Ты, их записывая в отрешённом счастье,
Того не знал, что это были – Мы!
Но ты почти всегда был меньшей частью».

Отец умолк. Твердь хрустнула, и вдаль
Прочь от отца я плыл в грачином грае.
С тех самых пор стараюсь никогда
Не говорить того, чего не знаю.

«Пахнет папа асфальтовым летом...»

Пахнет папа асфальтовым летом,
Поднимает меня высоко.
И светло, как от яркого света,
От его серебристых висков.

Я хочу прикоснуться рукою
К облакам, как порою во сне,
Словно знаю уже о покое
Где-то там в неземной тишине.

Полетела за облаком шляпа,
Не успела за шляпой рука.
И лежит со свечою мой папа,
Изголовьем ему – облака.

С той поры в каждом сне я летаю
Над резьбою знакомых крылец,
Словно кто-то меня поднимает,
Но не выше, чем в детстве отец.

С той поры путь от лета до лета
Предо мною лежит в маяках,
Только ярче не видел я света,
Чем от той седины на висках.

«Мне бы снова туда, где в печи...»

Мне бы снова туда, где в печи
Пухнет тесто, румянцем играя,
Где коровьему стаду кричит
Косоротая тётка Аглая.
Пахнут ранним покосом слова.
Пыль вздымают артритные ноги:
«Ну же, девоньки, ну же, давай!
Ну же, родненькие – по дороге!»
И послушное стадо, мыча,
Мирно тянется, словно бы знает,
Как в подушку мычит по ночам
Одинокая тётка Аглая.
Как темно в её доме... И как
Детвора старой ведьмою дразнит...
А ей нет ещё и сорока —
Тьма лежит на отёках подглазий.

Тётка, тётка Аглая, печаль,
Ты меня сквозь пространство и время
В темноте упырём постращай.
И, как в детстве, тебе я поверю.
Сяду так, чтобы боль твоих глаз
Вновь меня в сорванца превратила.
Будет стройно бежать твой рассказ
По моим ещё тоненьким жилам.
Мне бы снова туда, где в ночи
Совы ухают, ветви качая,
Где сидит у остывшей печи
Косоротая тётка Аглая.
А наутро, лишь вздрогнет трава
От росы – она вновь на пороге:
«Ну же, девоньки, ну же, давай,
Ну же, родненькие – по дороге!»

«Город Рыбинск – пчелиные соты...»

Город Рыбинск – пчелиные соты,
Где был другом безлюдный перрон,
Где теснила гитарным аккордом
Юность хриплые крики ворон.

Я пройду по аллеям щербатым,
Загляну на булыжный проспект.
Будет ветер дворнягой лохматой
О штанину тереться в тоске.

Будет шторм на искусственном море,
И на миг из разверзнутых вод
Церковь явится – колокол в горле
Покачнётся и голос прольёт.

Город чаек – последний мой мистик,
Где б меня ни носило порой,
Но я в листьях осенних, как в письмах,
Узнавал почерк ломаный твой.

Я читал тебя в лапах чужбины.
Слышал колокол даже во сне.
Как гудел он из чёрной пучины
В горле церкви, стоящей на дне.

Ты писал мне взхлеб, как подросток,
Я люблю твой неведомый гул.
Но когда выхожу на подмости,
О тебе рассказать не могу.

Град мостов, берегов и причалов,
Где в заборах стоит тишина.
Пусть, свой колокол тяжко качая,
Гонит волны незримый звонарь.

«Между явью и сном...»

Между явью и сном
Стал мерещиться вьюн листопада.
На асфальте сыром,
На мосту, на дороге горбатой.
Вот идёт этот вьюн —
Кисти рук и отжившие вены.
То ли взмахи закатной любви,
То ли отсвет измены.

Между явью и сном
Вдаль глядит колокольня кривая.
Дует ветер и сердце на дождь
Из груди выдувает.
Понимаешь: уже не уснуть,
Но и вь явь нет возврата.
И лишь сомкнутых век
Чуть касается вьюн листопада.

«Горе пахнет корвалолом...»

Горе пахнет корвалолом.
Шум в пустых висках.
Лица родственников словно
Пятна молока.

Вот и всё – рисунком детским
Память замерла.
Хрустнул мир орехом грецким,
А внутри – зола.

Воздух вздрогнул, как от камня —
Битое стекло.
И уже летит за гранью
Облако волос.

Ничего не слышно – вата.
Вата и туман.
Страшен за чертой заката
Вечный океан.

Бесконечная дорога.
Холод. Мелкий лёд.
И во тьме слезою Бога
Шар земной плывёт.

«Ты принёс мне звук пули в ладони...»

Ты принёс мне звук пули в ладони.
Выпьем, брат, я тебя не достоин.
Потому, что я не был там, брат.
Хочешь, морс приготовлю из клюквы?
Капли красные вырвутся будто...
Вновь уронишь в прошедшее взгляд.

«Глупо, – скажешь, – как всё было глупо!»
И ладонь поднесёшь, словно трубку
Телефонную. К уху прижмёшь.
И задышишь, как в форточке ветер.
Свист знакомый – всегда после третьей...
После пятой – ресничная дрожь...

А ещё после двух – встанут стены.
Память спрячется в гулкие вены.
И к тебе не пробиться никак.
«На, послушай!» – промолвишь и руку
Поднесёшь телефонную трубкой
Мне к лицу. Запыляет щека.

Скажешь: «Нет, не пойду. Уже поздно.
Вертолёты в глазах, как стрекозы.
Постели где-нибудь в темноте».
Кисть, прижатую к плоти ремнями,
Отстегнёшь, помогая зубами.
И на стену повесишь протез.

Ночь застынет от края до края.
До утра будет тень неживая
Неживую отбрасывать кисть.
А тебе на прохладном балконе
Не дадут спать фантомные боли
И всё тот же назойливый свист.

«Словно мягкого темени пульс...»

Словно мягкого темени пульс
Я опять ощутил под рукою,
Словно вновь над кроватью клонюсь,
Растворяясь в молочном покое.

Словно вновь дышит в стены пурга,
С пустыря выдувая жилище.
Я твержу сам себе, что снега
Это всё-таки не пепелище.

Я пойду от Руси до Руси,
Но не встречу её, но не встречу.
Ты меня ни о чём не проси.
Слов твоих всё равно не замечу.

Ты на злую судьбу не пеняй.
Не держи под засовами двери.
Ты меня не теряй, не теряй!
Я и так сам собою потерян.

Ты меня не зови, не зови.
На слезу не разменивай сердце.
Просто знай, что от боли в крови
Мне давно уже некуда деться.

«Давно ли было: керосинка...»

Давно ли было: керосинка
Чадит в ночи, как никогда.
Мы с мамой сладко спим в обнимку,
Ах, как же мама молода...

Рука бела и невесома,
Луна в окне над головой,
Я счастлив, что нет папы дома,
И горд, оставшись за него.

А ночь, раскинувшись огромно,
Шуршала листьями дерев.
Сверчок ли пел во тьме снотворно?..
Но как спалось под тот напев!

Горела слабо керосинка,
Стояла тьма вокруг стола,
И одинокая слезинка
В ресницах маминых росла.

Росла и, мукой наполняясь,
Такими болями цвела,
Что по лицу потом скитаясь,
Морщинок сеточку плела.

Осталась лампа-керосинка
У детской памяти в плену.
Нет-нет, а ту подчас слезинку
Я со щеки своей смахну.

Давно ли было: невидимкой
Трава за окнами в росе,
Мы с мамой сладко спим в обнимку,
И мама юная совсем.

Давно ли было: лютой льдинкой
Всё смотрит звездочка в окно...
Мы с мамой сладко спим в обнимку.
И нам другого не дано.

«Гремел состав. В вагоне, в полумгле...»

Гремел состав. В вагоне, в полумгле
Я ехал через край, где жил когда-то.
И одиноко на пути у взгляда
Подрагивала капля на стекле.

Переносилась капля с мостовых
На пустыри и на дыханье свалок.
С крестов кладбищ – на пустоту вокзалов,
С толкучек рынка – снова на кресты.

Дрожала на темнеющих углах.
И только листопад безрезультатно
Смахнуть её пытался со стекла,
Не ведая о стороне обратной.

Бил свет в окно осеннего огня.
Свет пышного природы увяданья.
Но лишь сквозь каплю тонкий луч сиянья
Забывших лет заглядывал в меня.

«Спит бродяга, ткнувшись в рукав лицом...»

Спит бродяга, ткнувшись в рукав лицом,
От сует мирских отгороженный;
Зимним городом вдвое сложенный,
Перееханный колесом.

Видит он, объятый угарным сном,
Как под сенью старой черёмухи
Ветер бьёт головою подсолнуха
В заколоченное окно.

Эй, старик, не чую твоей руки!
Льда ресницы блещут под звёздами
С кромки крыш, словно это в воздухе
Слёзы, вставшие на носки.

Меж землёй и небом совсем седым
Наши слёзы стыннут сосульками.
Эй, старик, тростью выстукивай
Блюз помоек прямо по ним.

«Под окно прилетали грачи и играли на скрипках...»

Под окно прилетали грачи и играли на скрипках.
Это было давно – у начала начал на краю.
«Тебе чудится, – старшие мне говорили с улыбкой, —
Продолжение птичьего горла не скрипка, а клюв».

В переходе скрипач: скрип унылых колков под рукою.
Бьётся крестик сухим мотыльком, как душа в лабуде.
Боже, если возможно, сними с него бремя запоя,
А иначе он вздёрнется прямо на первой звезде.
Боже, если возможно, подай ему лестницу с неба.
Путь расступиться хоть на чуть-чуть электрический дождь,
Чтобы видели мы, как уходит он с нищенским хлебом,
Отряхнув пыль на головы наши с дырявых подошв.

Пусть уходит на небо скрипач в перелётную стаю.
Прямо в корни дождя и прозрачную негу стиха,
Чтоб вернуться потом под окно, где его вдруг узнают
Изумлённые дети с раскрошенным хлебом в руках.
Ах, грачи-скрипачи, мне ли дело до ваших рапсодий!
Мир понятен и прост, как поваленный на спину лес.
Но тогда почему всё играет скрипач в переходе
Отрешённую музыку мимо плывущих небес?

«Пролетала родина струйкою дыма...»

Пролетала родина струйкою дыма.
Зацепило тоненько, потянуло длинно.
Пролетала родина, вдаль уносилась,
Словно самокрутка дедова курилась.

Уходил метелью, не думал о Боге,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.